

Никколо Макиавелли

Государь

Никколо Макиавелли

Государь

«Public Domain»

Макиавелли Н.

Государь / Н. Макиавелли — «Public Domain»,

Никколо Макиавелли — легендарный итальянский мыслитель эпохи Возрождения, снискавший славу одного из основоположников политологии благодаря трактату «Государь». «Цель оправдывает средства» — ключевой метод управления, расшифровка которого предлагается на страницах «Государя». По мнению Макиавелли, эффективный правитель должен отделять нравственные нормы от политики и внушать своим подданным не любовь, а страх. Те деяния, которые частная мораль считает дурными, являются благами для процветания государства, достойны уважения и похвалы. Подробные и нестареющие описания методов действенного управления делают книгу Макиавелли настольной для современных политиков, менеджеров и психологов.

Содержание

ГЛАВА I. Скольких видов бывает верховная власть и каким образом она водворяется	6
ГЛАВА II. Наследственные монархии	7
ГЛАВА III. Монархии смешанные	8
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Николо Макиавелли

Государь

*ЛАВРЕНТИУ ВЕЛИКОЛЕПНОМУ
СЫНУ ПЕТРА МЕДИЧИ.*

Лица, желающие заслужить благоволение к себе Государей, обыкновенно выражают это поднесением им в дар таких предметов, обладанием которых они особенно дорожат или по заключающейся в них ценности, или по тому удовольствию, которое они приносят. Поэтому, Государям весьма часто представляют дорогих коней, многоценное и редкое оружие, парчовые ткани, драгоценные камни и украшения, соответственные величию верховной власти.

Желая таким образом представить Вашему Великолепию какое-либо доказательство моей глубокой к Вам преданности, я не нашел ничего, между самыми ценными предметами, какими я обладаю, чем бы я так дорожил и высоко ценил, как мое познание действий людей высокопоставленных. Знание это я добыл долгим изучением современных событий и глубоким исследованием древней истории. В небольшой книге, которую я имею честь представить Вашему Великолепию, я поместил все выводы и результаты, добытые мною продолжительным размышлением и настойчивой наблюдательностью. Хотя я и сознаю, что это мое произведение далеко не достойно чести представления его Вам, но я уверен, что Вы по своему великодушию примете его благосклонно, так как Вы примете во внимание, что самый ценный дар, каким я мог располагать, состоял в возможности доставить Вам средство в кратчайшее время узнать все то, на изучение чего я употребил многие годы и мог понять и усвоить себе только после продолжительных трудностей и опасностей.

В книге моей Вы не найдете ни цветистых рассуждений, ни пышных и красноречивых фраз, ни одного из тех внешних украшений, к каким прибегают авторы для придания наружного блеска своим сочинениям. Я хотел, чтобы моя книга или вовсе не имела никакого значения, или, если она его удостоится, то значение это происходило бы от внутренних ее достоинств: истины, положенной в ее основание и разнообразия и важности предметов, составляющих ее содержание.

Я не хотел бы однако же, чтобы меня сочли за человека дерзкого за то, что я, принадлежа к низшему сословию государства и не обладая высоким саном, осмелился рассуждать и исследовать предметы, подлежащие ведению Правительств и Государей.

Подобно тому как пейзажисты, для того чтобы снять вид гор и возвышенных мест, помещаются в долинах, а для того, чтобы схватить общий характер равнин, поднимаются на высоты, – для того, чтобы хорошо понять и оценить особенности народа, надобно быть государем, а чтобы знать государей – надобно принадлежать к народу.

Примите же, Ваше Великолеpie, скромное приношение мое так же радушно, как искренно я Вам его представляю. Если вам будет угодно прочесть мою книгу со вниманием, то Вы заметите, что меня, при труде над ней, руководило горячее желание, чтобы Вам удалось достигнуть той степени славы и величия, на какую вы имеете право по своей высокой доблести и можете рассчитывать при Вашем счастье. И если с высоты своего величия Ваше Великолеpie удостоит взглянуть на то, что находится внизу, то Вы увидите насколько незаслуженно приходится мне в жизни страдать и быть жертвою суровой и несправедливой судьбы.

ГЛАВА I. Скольких видов бывает верховная власть и каким образом она водворяется

Все гражданские общества в государственном смысле представляются или монархиями или республиками. Монархии бывают или наследственными, правители которых составляют продолжительное время одну династию, или вновь возникающими. Монархии, вновь возникающие, образуются или самостоятельно, как например Миланское герцогство при Франческе Сфорца, или входят, как составная часть в наследственную монархию, уже существующую, когда правители ее увеличивают свои владения приобретением новых стран, как было наприим. приобретено Испанским королем Неаполитанское королевство. Страны, вновь приобретаемые, разделяются на такие, которые до присоединения управлялись своими государями, и такие, обитатели которых до этого присоединения были свободны. Приобретаются таковые страны или силой оружие, все равно, своими или наемными войсками располагает для этого завоеватель, или мирным путем при стечении особенно счастливых обстоятельств для того или другого правителя, или тогда, когда вследствие личных его достоинств, соседние народы добровольно провозглашают его владычество.

ГЛАВА II. Наследственные монархии

Я не стану здесь касаться республик, так как говорил о них уже подробно в другом сочинении. Здесь я займусь только монархиями и, придерживаясь установленного мною разделения, выясню, каким образом могут управляться всякого рода монархии. Так я замечу, что в монархиях наследственных, подданные которых уже привыкли к династии своих правителей, монарху гораздо легче поддерживать власть, нежели в монархиях, вновь возникающих: ему для этого достаточно только не заходить за пределы власти своих предшественников и сообразоваться с обстоятельствами. При таком образе действий, правитель с самыми обыденными способностями сумеет всегда удержаться на троне; или для того, чтобы он его лишился, необходима какая-либо неодолимая сила, предвидеть которую было положительно невозможно; но даже и в этом исключительном случае, всякая малейшая ошибка узурпатора неизбежно дает ему возможность без труда возратить свое потерянное владычество. Яркий пример этого в Италии представляет собой герцог Феррарский: если он устоял в 1464 г. против нападения Венецианцев, а в 1510 – против папы Юлия, то единственно благодаря тому, что страна издавна привыкла к его династии. И действительно, наследственные монархии бывают уже потому обыкновенно любимы народом, что им гораздо реже, нежели новым правителям, предстоит случай или необходимость оскорблять своих подданных; для такой любви достаточно, чтобы правитель не проявлял каких-нибудь чрезвычайных пороков, которые заставляли бы возненавидеть его, а давность и продолжительность династии заставляют забывать, как насильственные перевороты, происходившие в стране, так и причины, вызывавшие их, – чем устраняются те камни преткновения для государственной власти, которые оставляются предшествовавшими революциями с целью снова воспользоваться ими при случае.

ГЛАВА III. Монархии смешанные

Управлять вновь возникающими монархиями уже несравненно труднее.

Так, если вновь возникшая монархия не представляется самостоятельной, а входит только как новоприобретенная часть в существующую уже монархию, представляя вместе с нею как бы одно смешанное целое, то неизбежные неурядицы при переустройстве вновь слагающихся государственных форм дают первый повод к брожению умов и желанию переворотов; люди же вообще, из желания улучшения своей судьбы, склонны к переменам своих правителей. Эта причина весьма часто заставляет их братья за оружие против существующего правительства, и только тогда видеть свою ошибку, когда они путем опыта узнают, что, вместо улучшения, в результате достигают только ухудшения своей участи. Ухудшение же это, естественно, возникает из той неизбежной необходимости, в которую обыкновенно бывает поставлен новый правитель самым своим положением. Для водворения своей власти он обыкновенно бывает вынужден угнетать вновь приобретаемую страну тяжкими повинностями для содержания армии, и бесчисленным множеством всяких других несправедливых налогов и поборов. Все лица, интересы которых он почему-либо нарушил, овладевая государством, становятся его врагами, врагами же его делаются и те, которые дружественно помогали его успеху, или потому, что он не может их отблагодарить сообразно их заслугам, или его обещанию, или потому, что, будучи им обязан, он даже в случае, необходимости лишен возможности действовать против них крутыми мерами. Услуги обыкновенно обязывают на признательность, так как обыкновенно, как бы ни был могуществен завоеватель со своими армиями, для покорения страны ему всегда бывает необходимо входить предварительно в соглашения с ее жителями, чтобы в их благорасположении получить поддержку своему оружию. Вот отчего французский король Людовик XII так же быстро потерял Милан, как и приобрел его; для того, чтобы его оттуда выгнать, достаточно было одних войск Людовика (Сфорцы), так как те же жители, которые помогли ему овладеть городом, видя себя обманутыми в своих надеждах и не получая тех выгод, на которые рассчитывали, не хотели переносить тяжести новой власти. Но зато, если такое восстание удастся вторично усмирить, то власть приобретет значительную прочность, так как победитель, пользуясь прекращенным восстанием, делает его для себя благовидным предлогом, чтобы уже не стесняться в средствах для упрочения за собой завоевания: наказывать непокорных, преследовать тех, кто ему кажется подозрителен, вообще устранять все то, что ему препятствует или его ослабляет. Поэтому-то, для того, чтобы Франция потеряла Милан в первый раз, было достаточно небольшой агитации, произведенной Людовиком между окрестным населением, но чтобы потерять его вторично – нужно было, чтобы все государства против нее восстали, и армии ее были или уничтожены, или изгнаны из Италии, что могло произойти от причин, мною уже указанных. Известно однако, что Франция в оба раза лишилась этой провинции. Общие причины первой неудачи Людовика XII уже достаточно ясны после моего объяснения, но вторую его неудачу стоит рассмотреть подробнее, чтобы уяснить, не было ли в руках его возможности, которой другие правители воспользовались бы на его месте, чтобы удержать за собой приобретенную область. Надобно между прочим заметить, что страны, вновь присоединяемые, к установившейся монархии, для составления с нею одного целого, могут находиться в одинаковых с нею географических условиях или в различных и жители их говорить тем же языком, или иным. Когда приобретаемая страна составляет как бы продолжение приобретающей, а жители той и другой говорят одинаковым языком, то удержать приобретение за собой очень легко, особливо если обитатели ее не привыкли к свободным учреждениям; для управления ею в полной безопасности, достаточно только одного условия, – чтобы династия прежних ее правителей иссякла. Во всем остальном, при одинаковости установившихся обычаев, правителю стоит только не нарушать прежнего образа жизни обитателей приобретаемой

страны, и он может быть уверен, что новые его подданные будут жить спокойно. Таким образом, Бургундия, Бретань, Гаскония и Нормандия столько лет сряду находятся под французским владычеством; хотя между наречиями этих стран и есть некоторые резкие различия, но так как нравы и обычаи их весьма сходны, то им и легко ладить между собой. В подобных случаях завоевателю должно помнить главнейшие две вещи: окончательно ли иссякла династия правителя присоединяемой страны, – и что для него ничего не может быть пагубнее какого бы то ни было изменения законов или системы налогов в новой стране. Если оба эти условия соблюдены, то присоединенная страна очень скоро совершенно сливается с господствующей и составляет с нею как бы одно органическое целое.

Но если присоединяемая страна бывает чуждою присоединяющей по языку, обычаям и нравам, то для удержания ее в своей власти требуется очень много счастья и умения, и одною из самых действительных и радикальных для этого мер может служить переселение правителя во вновь приобретенную страну. Этим переселением значительно закрепляются прочность и безопасность обладания ею. Так поступили турецкие султаны с Грецией и всякие другие их распоряжения для удержания Греции за собой едва ли привели бы их к каким-нибудь успешным результатам, Если бы они сами туда не переселились. Правитель, переселяющийся в завоеванную страну, может следить за начинающимися беспорядками и заблаговременно подавлять их; живя же вдали, он узнает о них только тогда, когда они становятся настолько значительными, что по большей части совладать с ними становится очень трудно, если не невозможно.

Кроме того, присутствие государя удерживает назначаемых им сановников от разорения страны; возможность личного обращения к правителю доставляет нравственное удовлетворение подданным и, если они расположены к верности, то получают более возможности любить своего монарха; если же они ненадежны, то его близость дает им более оснований бояться его.

Кроме того, присутствие государя в стране служит отчасти охраной от чужеземных вторжений, так что, поселяясь в ней, правитель как бы обеспечивает за собой большую вероятность прочного обладания ею.

Другое отличное средство для удержания завоеванной области состоит в образовании по близости ее одной или двух колоний, в местностях, господствующих над страной: без этого приходилось бы содержать весьма значительное количество войска, между тем как основание колоний обыкновенно обходится правителям очень дешево. Основать и поддерживать их бывает возможно или без всяких издержек, или с весьма незначительными; он при этом нарушает интересы только тех, у кого отнимает поля и жилища для водворения в них новых обитателей, но таких лиц обыкновенно бывает немного, и по своей бедности и разрозненности они по большей части бывают лишены возможности вредить ему. Все остальные подданные, не будучи с одной стороны ничем обижены, не имеют поводов к недовольству, а с другой будут удерживаемы от волнений страхом, чтоб и их, в случае непокорства, не постигла участь подобная участи лиц, разоренных на их глазах. Одним словом, эти очень дешево стоящие колонии, служащие образцом верности, в тоже время нисколько не отяготительны для страны, а небольшое число обиженных этою мерою, по своей бедности и разрозненности, становятся для правителя безвредны.

Вообще должно заметить, что при управлении людьми их необходимо или ласкать, или угнетать; мстят люди обыкновенно только за легкие обиды и оскорбления, сильный же гнет лишает их возможности мести: поэтому, если уже приходится подданных угнетать, то делать это следует таким образом, чтобы отнимать от них всякую возможность отмщения.

Если же, вместо основания этих колоний или передовых постов, правитель решает поддерживать свою власть помощью войск, то расходы, сопряженные с содержанием этих охранительных сил, возрастают обыкновенно чрезмерно и совершенно поглощают все государственные доходы страны. Тогда самое приобретение страны служит в ущерб завоевывающему государству, который становится тем ощутительнее, чем ее жители считают себя более оби-

женными, ибо все они, как и самое государство, страдают от постоев и передвижения войск. А так как от постоянной повинности обыкновенно не освобождается никто, то все граждане становятся врагами правителя, тем более ожесточенными, что этой повинностью нарушаются их частные интересы, и, оставаясь у себя дома, они не лишаются возможности вредить правителю. Вообще эти охранительные армии во всех отношениях настолько же бесполезны и вредны, насколько основание передовых постов полезно и необходимо.

Но это еще не все. Когда завоеванная область находится в другой стране, чем наследственная монархия завоевателя, для него является множество других забот, которыми он не вправе пренебрегать: он должен стремиться сделаться главой и покровителем соседних и менее могущественных государей, но также ослаблять тех из них, чье могущество начинает возрастать, зорко наблюдая, чтобы в управление этими мелкими государствами не вмешался по какому-либо случаю какой-либо правитель, настолько же, как и он могущественный; всякое такое вмешательство обыкновенно принимается благоприятно всей массой тех граждан, которых неудовлетворенное честолюбие или страх сделали недовольными, и все они делаются обыкновенно сторонниками этого чуждого вмешательства. Так этолийцы помогли Римлянам проникнуть в Грецию, подобно тому как помогали им в этом и жители всех других стран, куда они проникали.

Обыкновенно в таких случаях дело происходит так: как только могущественный иноземец вступает в чужие страны, все мелкие правители, побуждаемые ненавистью и завистью к более сильному соседу, примыкают к нему и стараются ему содействовать в его предприятиях. Но предусмотрительный государь может не опасаться этого, он всегда сумеет заранее привязать к себе всех этих мелких правителей разными ничтожными уступками их самолюбию, и тогда они обыкновенно охотно становятся защитниками приобретенной им страны, как бы усиливая ее контингент. Но при этом конечно он не должен забывать, что нельзя допускать ни одного из этих мелких правителей заирать себе слишком много власти; а если бы с которым-нибудь из них это и случилось, то государю легко, при помощи своих войск и расположении других мелких правителей, тотчас же ему воспрепятствовать и оставаться таким образом самым полновластным господином между всеми окрестными странами. Правитель, не соблюдающий этого образа действий, обыкновенно очень скоро лишается завоеванной страны или, если в ней еще и удерживается, то встречает для своей власти бесконечные препятствия и неприятности. Римляне старательно соблюдали все эти правила в отношении к завоеванным ими землям: они основывали колонии, поддерживали менее могущественных соседей, не допуская усиливаться их могуществу, и препятствовали водворению в их странах всякого влияния могущественных иноземцев. Для доказательства достаточно одного примера – действий Римлян в Греции: они поддерживали этолийцев и ахеен, ослабляли Македонию, прогнали Антиоха и, несмотря на все услуги, оказанные им этолийцами и ахеенами, они не допускали их усиливаться; все усилия Филиппа приобрести их дружбу не могли увенчаться успехом, прежде чем им не удалось его несколько унижить, и все могущество Антиоха не могло вынудить у них согласия на то, чтобы он мог владеть хотя клочком земли в Греции.

Римляне в этом случае поступали именно так, как обязаны действовать все прозорливые правители, озабочиваясь об отстранении не только настоящих, но и всех могущих произойти в будущем, затруднений – всеми мерами, какие указывает благоразумие, ибо только предвидя зло заблаговременно, можно его избежать; если же ждать его приближения, то можно потерять благоприятное время для противодействия ему, подобно тому, как запуская болезнь можно довести ее до неизлечимости, когда уже никакое лекарство не в состоянии помочь. Чахотка, о которой врачи говорят, – что она вначале трудно распознается и легко излечивается, а в конце распознается легко, но лечить ее бывает трудно, – весьма подходящий пример к моим положениям. И в делах государств мы видим то же самое: если зло предвидится заблаговременно (что доступно конечно только правителям мудрым), то уничтожить его можно быстро,

если же, по небрежности, дать ему возможность усилиться до того, что оно делается очевидным для всех, – побороть его становится уже делом почти невозможным. Римляне, предвидя обыкновенно зло заранее, всегда удачно ему противодействовали, они не позволяли ему развиваться даже в тех случаях, когда это угрожало им войною; они знали, что всякое промедление при этом могло служить только в пользу их врагам. Поэтому они объявили войну Антиоху и Филиппу в Греции, чтобы предупредить необходимость защищаться от них в Италии, и хотя могли избежать этих обеих войн, но не избегали их. Они не придавали значения словам, так часто повторяемым мудрецами нашего времени: пользуйся преимуществами времени, они предпочитали преимущества силы и благоразумия, зная, что время может принести с собой и зло, также как и добро.

Но возвратимся к Франции, и посмотрим, было ли ею сделано что-либо из того, о чем мы говорили. Мы рассмотрим действия Людовика (XII), а не Карла (IX), так как сохранение первым на более продолжительное время своего владычества в Италии дает нам большую возможность проследить весь его образ действий. При этом мы ясно увидим, что он поступал совершенно противоположно тому, как должен был бы поступать, чтобы сохранить за собой господство над страной. Людовик XII получил возможность проникнуть в Италию, благодаря помощи честолюбивых Венецианцев, которые рассчитывали при этом воспользоваться половиной Ломбардского герцогства. Я далек от осуждения этой связи Людовика с Венецианцами, так как он, желая войти в Италию и утвердиться в ней, не только не имел в то время в ней никаких друзей, но напротив предшествовавшее поведение Карла VIII делало ему это невозможным, и он вынужден был не выбирать себе союзников, а только пользоваться тем, что предоставляли обстоятельства, и его планы имели бы успешное осуществление, Если бы только впоследствии он не делал ошибок. Таким образом, завладев Ломбардией, он быстро восстановил ту репутацию, которой лишил его Карл: Генуя пошла на уступки, Флоренция – стала его союзницей, герцог Феррарский, семья Бентиволио, правительница Форли, владельцы Фаэнцы, Пезаро, Римини, Камерино, Пиомбино, жители Лукки, Пизанцы, жители Сиенны – все наперерыв друг перед другом искали его дружбу. Венецианцам сделалось ясно, что – допустив, ради приобретения себе двух городов в Ломбардии, французского короля сделаться властителем двух третей Италии – они сделали неблагоприятную ошибку. При таких обстоятельствах, Людовику XII весьма не трудно было бы поддерживать в этой стране свое влияние, Если бы он сумел осуществить на деле те правила благоразумия, которые изложены нами выше. Для этого ему было бы необходимо принять под свое покровительство и оказывать деятельную защиту многочисленным мелким владетелям, искавшим его дружбы. Все они были слабы и, боясь нападений – одни со стороны пап, другие со стороны Венецианцев, – поневоле должны были бы стараться быть с ним за одно, а такой союз был бы для него достаточным, чтобы бороться успешно с теми владетелями, у которых еще оставалось какое-либо могущество. Но он, едва вступив в Милан, стал действовать совершенно противоположно, подав помощь папе Александру, при занятии последним Романьи. Он не видел что, действуя таким образом, он действовал против себя самого, ослабляя себя потерей союзников, которые так желали его дружбы, и усиливая власть пап, помогая им к духовной власти, дававшей им и без того громадное значение, приобрести еще и светскую, столь же значительную.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.